

ОДЕЖДА

В условиях города с присущей ему спецификой экономического развития, с более быстрыми по сравнению с селом темпами роста культуры и значительной социальной дифференциацией населения изготовление одежды рано перестало быть занятием семьи и перешло в сферу общественного производства.

Уже в середине XIX в. домашнее ткачество в городах встречалось редко. Нательную и верхнюю одежду все слои городского населения шили из покупных тканей, чаще всего промышленного производства. Для некоторых видов одежды (верхней, рабочей, а отчасти и нательной) на базарах и ярмарках покупали и домотканину: холст, сукно. Изготовлением обуви и шапок занимались ремесленники. В семьях, относившихся к средним городским слоям, одежду частично шили сами (белье, простое платье, детскую одежду), некоторые вязали шерстяные и нитяные чулки и варежки. Но большая часть горожан для изготовления одежды пользовалась услугами портных, белошвеек. Покупали и готовые вещи в магазинах, в лавках. Заказывали одежду и в мастерских — все это в зависимости от доходов семьи, от вкусов, возрастного состава.

Портные, сапожники и другие мастера, изготавливавшие одежду, были самых различных рангов и обычно имели определенный круг постоянных клиентов, запросы которых они хорошо знали. В обеспеченных слоях городского общества (богатых мещан, купцов, чиновников) был распространен обычай заказывать

себе платье и обувь у известных мастеров города, которые могли предложить наиболее модные ткани и фасоны. Были мастера, которые в губернских и даже в уездных городах выполняли заказы не только по отечественным столичным модам, но и по заграничным. Например, в Калуге была мастерская, в которой шляпы выполнялись по варшавским моделям. Женщины из обеспеченных семей, не довольствуясь местными возможностями, ездили приобретать платья в Москву, а из уездных городов — иногда в губернские. Ездили в Москву «справлять» наряд и приданое невесте.

Шить у модных портных стоило дорого, но, несмотря на это, в число их клиентов старались попасть и менее обеспеченные горожане, претендовавшие на принадлежность к «порядочным» людям. Особенно это было развито среди чиновников, для которых вопрос соблюдения известного престижа был жизненно важным. Даже среди мелких чиновников часто встречались щеголи, которым франтовство стоило многих дней жесткой экономии¹¹⁷.

В городах имелось и много мастеров «попроще», которые за небольшую плату шили по заказу мелких ремесленников, торговцев, небогатых мещан и более или менее хорошо оплачиваемых высококвалифицированных рабочих. Шили они, как правило, не по журналам, а по привычным шаблонам, которые в целом удовлетворяли спрос клиентуры. Вследствие этого происходила некоторая консервация старых кроев и фасонов в одежде этого широкого слоя горожан. Она здесь была значительно большей, чем среди заказчиков модных провинциальных мастеров. Повседневное платье в таких семьях шили обычно сами женщины.

Были и другие способы пополнения гардероба. Так, среди бедного городского люда (чернорабочих, поденщиков и пр.) широко практиковалась покупка у торговцев поношенного платья и обуви по дешевой цене. Скупка и продажа старых вещей были одним из занятий некоторой части городского населения. У торговцев старьем можно было подобрать платье на любой «вкус» и достаток, этим пользовалась беднейшая часть горожан, особенно деклассированные элементы, костюм которых часто сводился к набору случайных вещей и обносков.

Использование промышленных тканей и других материалов, участие в изготовлении одежды профессионалов, распространение моды и т. п. способствовали отходу городского населения от традиционного костюма (как крестьянского, так и городского) и закреплению в быту общеевропейских городских его форм. Уже в середине XIX в. в одежде горожан наблюдалось сочетание традиционных и новых элементов. Соотношение их определялось принадлежностью людей к тем или иным социально-сословным группам, возрастными категориями, а также! назначением одежды. В городе, как и в селе, изменения в мужской одежде происходили быстрее, чем в женской; традиционные черты дольше сохранялись в костюме пожилых. Большей традиционностью отличались специфические виды одежды: дорожная, рабочая, некоторые виды обрядовой. Однако в городе со свойственной ему неоднородностью населения процесс замены традиционной одежды новой протекал значительно сложнее, чем в селе, и приводил к

возникновению большого числа вариантов, в которых выражались различия во вкусах, во взглядах на моду, в отношении к традиции и т. п.

Составить достаточно полное представление о костюме горожан XIX в. трудно из-за недостатка сведений о нем. Попытаемся отметить основные его особенности, опираясь на материалы Архива Русского географического общества и воспоминания старожилов¹¹⁸.

На основании этих данных можно сказать, что в городах Калужской и Тульской губерний (Боровске, Малоярославце, Перемышле, Мещовске, Медыни, Богородицке, Ефремове, Мценске, Одоеве) в мужском костюме горожан еще в середине XIX в. наблюдалось большое разнообразие покроев, отражавшее историческую сменяемость одежды.

Мещане победнее в будни ходили в холщовых рубахах и нанковых или пестрядинных портах, заправленных в сапоги. Поверх этого костюма надевали поддевки и халаты, чуйки, свиты, нагольные шубы и тулупы. В непогоду верхней одеждой служил сермяжный кафтан. В праздник некоторые надевали сюртуки.

Костюм этого слоя мещан во многом был сходен с одеждой крестьян, которые жили в слободах, в пригородных деревнях и работали в городе. У крестьян верхней одеждой служил суконный зипун или кафтан, реже чуйка, которая считалась мещанской одеждой, а также нанковый «халат». Холщовую рубаху носили с шароварами; в праздник надевали синие шаровары из китайки и такой же халат, перепоясанный красным кушаком. На ногах обычно носили лыковые лапти, а в праздник — кожаные сапоги. Для зимы служили полушубки, а также ничем не покрытые тулупы или синие свиты из домотканого сукна, надевавшиеся поверх полушубка. Но более распространенным костюмом купцов и состоятельных мещан был костюм с поддевкой. Летом короткая поддевка из тонкого сукна или полубархата с отрезной спинкой и со сборами позади сочеталась с жилетом, белым галстуком, плисовыми шароварами, заправленными в смазанные сапоги, и шляпой. Излюбленным цветом сукна был темно-синий. Вместо поддевки иногда встречался и старый суконный кафтан («русский»), длиною до колен, приталенный, с небольшим стоячим или отложным воротником. Его носили только старики, как и суконные или нанковые казакины (одежда типа поддевки), но для большинства мужчин верхней одеждой служили суконные сюртуки разнообразного покроя. Их носили с панталонами, а чаще с шароварами (плисовыми, суконными, нанковыми) и с ситцевой рубахой.

Старинным считался длинный сюртук с широким воротником, называвшийся иногда также «сибиркой»; новым — короткий с разрезом позади. Сюртуки носили летом и зимой как пожилые, так и молодые мужчины. Для зимы шили сюртуки в виде пальто на вате или на меху. Поверх сюртука надевали суконную «чуйку», «свиту» (вероятно, халатообразного покроя), зимой — шубу. Вместо чуйки «достаточные» шили шинель с большим воротником или с капюшоном. Зимние шинели у богатых были на волчьем, лисьем или енотовом меху, у людей среднего достатка — на «колмыцком» (т. е. на тонкой овчине) и других более дешевых мехах. Шубы крыли сукном или драдедамом (плотной хлопчатобумажной тканью). На торги ездили в простых полушубках (нагольных) или в «смурых», т. е. крытых толстым домотканым сукном. Шубы кроились чаще всего прямоспинными, с большим воротником, похожими на тулупы. Овчинный тулуп, как и «халат», суконный или нанковый, служил дополнительной верхней одеждой, надевавшейся в непогоду и в дорогу поверх шубы или другого верхнего платья.

Мужчины носили картузы или меховые шапки; некоторые пожилые (особенно из богатых старообрядцев) — высокие дорогие бобровые шапки. Волосы большинство горожан стригли вкружок или под скобку. Бороду многие молодые мужчины брили; постарше — носили бороду и подстригали ее.

Как видим, в середине века сословные особенности в одежде были еще довольно заметны, хотя уже проявлялась и определенная тенденция к нивелировке костюма. Не случайно один из корреспондентов РГО отметил, что, например, в Медыни многих купцов, мещан и дворовых по одежде нельзя отличить от дворян и служащих¹¹⁹.

Женская одежда отличалась большим своеобразием, чем мужская. Правда, старый городской комплекс одежды с сарафаном, рубахой и кокошником в середине XIX в. встречается уже редко — главным образом среди пожилых женщин в небольших уездных городах. Так, в Медыни некоторые мещанки еще носили кисейную сорочку с китайчатым сарафаном, окаймленным кумачом или розовыми лентами.

Иногда этот костюм надевали и девушки, у которых на голове еще можно было видеть девичью повязку из розового платка, оставлявшую макушку открытой. Девушки под повязку заплетали волосы в косу с лентой; причесывались также «в корзинку», плотно укладывая косы на затылке. Замужние женщины носили на голове платки¹²⁰.

В Мещовске, как отмечал корреспондент РГО, уже весьма редко можно было встретить старух в старинных кокошниках и китайковых телогрейках. Чаще они донашивали свои ситцевые сарафаны, штофные шубы и «епонечки» (одежда типа накидки без рукавов) с большими, лежащими на плечах куньими или собольими воротниками¹²¹. В г. Лихвине Калужской губернии от старой одежды в сундуках оставалась лишь «юбка на помочах» (разновидность сарафана); а девичья повязка трансформировалась в своеобразный головной убор из тюля, лент и искусственных цветов — «в виде коаффуры» (т. е. прически)¹²².

Богатые крестьянки из пригородных сел близ Перемышля, например, в праздничные дни ходили еще в рубашках с красными рукавами и сарафанах, подвязанных разноцветными фартуками; на руки же в особо торжественных случаях натягивали нитяные перчатки¹²³.

Казенные крестьянки в пригородах Ефремова Тульской губернии рубаху носили с суконной «свойской» — красной или полосатой юбкой. В праздники надевали ситцевые или шелковые сарафаны «растягаи». В будни голову повязывали синим платком из домашнего холста, в праздник — бумажным или шелковым.

У девушек из-под платка виднелась коса с широкой лентой¹²⁴.

Замужние женщины волосы укладывали на затылке вокруг гребенки; голову покрывали платком (иногда и «золотным», т. е. расшитым золотой мишурной нитью). Дома некоторые женщины еще ходили в «повойниках» и «сборниках». Входили в моду чепцы, шляпки, наколки, но носили их сравнительно немногие¹²⁵.

Самым распространенным костюмом женщин, принадлежавших к купеческому и мещанскому сословию, в городах изучаемой зоны было «платье» с длинными рукавами (чаще всего состоявшее из кофты с юбкой, реже — цельное платье с лифом). Платья шили из разных тканей в зависимости от состояния и их назначения (из ситца, шерсти, шелка, кисеи и др.). Фасоны платьев также варьировали в зависимости от моды и вкусов.

Поверх платья летом по старинной моде кое-где купчихи надевали короткую без воротника, с капюшоном кофту (богатые — парчевую или шелковую). Верхней легкой одеждой пожилым женщинам служили также нанковые или китайчатые «хладники», похожие на мужские халаты, но с большими воротниками и короче (до колен) или суженные в талии, «с перехватцем и с капюшоном». Зимой носили салопы, шубы и шубки на вате и различных мехах (заячьем, кошачьем, лисьем, у богатых — куньем). Особенно большим разнообразием отличались шубы: длинные и короткие — они были суконные, штофные (особенно малиновые), нанковые, драдедамовые, плисовые, бархатные, шелковые, со сборами, с клиньями в талии, с малыми или большими воротниками, с двумя воротниками, с воротником и капюшоном и др. Крестьянки в будни носили нагольные полушубки, в праздники — шубы на заячьем меху, крытые нанкой, черным плисом или малиновым штофом. Новыми видами верхней одежды у горожанок были «мантильи» и «бурнусы».

Женской обувью служили ботинки и «черевишки» (туфли), изредка встречались «коты» с каблуками и медными шпильками.

Широко распространенным украшением был жемчуг, чаще всего — мелкий речной. Состоятельные купчихи носили жемчужные нити на шее, жемчужные серьги. Поднизи из натурального или поддельного жемчуга выпускали из-под головных уборов на лоб. Иногда украшения из жемчуга или его заменителя (белых стеклянных бус) покрывали почти всю голову — в виде сетки («рефять») или «корзинки» поверх головной повязки.

Купеческие головные уборы XIX в.
Краеведческий музей в г. Калуге

Во второй половине XIX в. в городской одежде происходил сложный процесс дальнейшего отхода от ее традиционных форм и массовое распространение новых. Эти последние формировались на базе городского национального костюма под сильным воздействием промышленного прогресса и все возрастающим влиянием общеевропейской одежды со свойственной ей быстрой сменяемостью моды.

В 1890—1900-х годах традиционную одежду еще хранили в отдельных городских семьях, а частично и носили наряду с более новой (главным образом старики). Ельчанин (1893 г. р.) помнит, что его дед-горожанин, работавший банщиком, всегда носил поддевку, сапоги простые «гармошкой»; на случай дождя имел «чуйку» из грубого сукна, с рукавами (лиф узкий, а внизу — широкая). Шапки носили высокие — стеганные на вате, картуз — из кустарного сукна. У бабушки были салоп и «дипломат» (в талию, с пуговицами в два ряда); в них она ходила в гости, на праздники. Расхожей одеждой служила чуйка (пеотрезная, без воротника). В семье имелась и своеобразная дежурная одежда — один на всех «шугай» — типа плаща без рукавов, надевавшийся внакидку и застегивавшийся па крючок под горлом. Длинной он был ниже колен и сшит из милюстина на вате ¹²⁶.

Особенно стойко сохранялись в быту горожан овчинные тулупы и различные шубы, которые часто уживались с более новыми формами верхней одежды (например, с «пальто» и др.). Из описи имущества умершего калужского мещанина А. А. Кулешова (1892 г.) узнаем, что он имел две шубы черного сукна (на хорьковом меху с бобровым воротником и на лисьем меху тоже с бобром), поддевку, черную суконную на вате, драповое пальто на вате, ситцевую рубашку («синюю с белыми по полю цветами») ¹²⁷. После смерти ямщика калужской почтовой станции (1891 г.) среди оставшихся вещей имелись полушубок, валеные сапоги, шапка, жилет, шарф, платочек ¹²⁸.

Костюм подрядчика из г. Калуги. Начало XX в.
Одежда приказчика конца XIX в. из г. Калуги

О сохранении отдельных элементов старого костюма в быту небогатых, но имущих горожан свидетельствуют также записи калужского ломбарда за 1912—1915 гг. В числе заложенных вещей — большого количества сюртуков, различных пальто, пиджаков, жилетов, отрезов тканей — часто встречаются поддевки, армяки, коротайки, полушубки, тулупы ¹²⁹.

В начале 1900-х годов в городах искусственно поддерживалось ношение старинной одежды, что отчасти было связано с распространением в то время в кругах буржуазной интеллигенции так называемого псевдорусского стиля, затронувшего до некоторой степени и прикладное искусство. В богатых семьях было принято одевать в народный костюм кормилиц, нянюшек, иногда дворников. В этом, возможно, сказывалась и старая традиция, идущая от крепостного права. Нарочито старинным выглядел костюм извозчиков. Им официально предписывалось надевать крепкие армяки и «непременно иметь на голове шляпы (т. е. высокие шляпы «трешневики»), а не картузы или шапки, как встречалось постоянно» ¹³⁰.

В одежде отдельных групп городского населения по-прежнему большое место продолжал занимать форменный костюм. Форму носили чиновники и другие служащие различных ведомств (преимущественно мужчины), а также некоторые категории учащихся (студенты, гимназисты, учащиеся реальных и епархиальных училищ). Форменная одежда была обязательной на службе или в учебном заведении, но ее роль этим не ограничивалась. Новую форменную одежду или парадные ее виды охотно надевали на гулянья и торжества, старую donaшивали дома. Бывший почтовый чиновник из Калуги вспоминает: «...когда выберешься прогуляться по Никитской улице, то форму обязательно

Кормилица в русском наряде. Г. Калуга, начало XX в.

наденешь. В штатском из чиновников мало кто ходил»¹³¹. Форма имела определенное социальное значение. Она выделяла ее носителей из общей массы населения и объединяла социально разнородные элементы в рамках одного ведомства. Ношение ее в известной степени способствовало и проявлению своеобразной социальной спеси, сказывавшейся на взаимоотношениях людей и способствовавшей сохранению сословной замкнутости быта.

Некоторые черты сходства с формой имела профессиональная и производственная одежда, например у приказчиков, мальчиков и других категорий наемных работников. Она была довольно разнообразной, и обычно ее получали от хозяев. Например, в одном из магазинов Ефремова приказчикам выдавали серую куртку, пояс, фуражку, в другом, — где работа требовала длительного пребывания в холодном помещении, — нагольную шубу, фартук, рукавицы, валенки, брюки из «чертовой кожи». В большом магазине в Калуге продавцам от хозяина полагался черный костюм, мальчикам — серая полусуконная куртка и брюки. Приказчики носили прическу «бабочку», мальчики — «бобрик». Служащие в частных конторах носили на работу пиджаки, галстуки «бантики» и «бабочки», рубашки с крахмальными воротничками и манжетами¹³².

Все более широкое распространение форм общеевропейского костюма во всех слоях городского общества в конце XIX—начале XX в. приводило к дальнейшему отходу от традиционных сословно-профессиональных форм одежды. Повседневный и праздничный костюм большей части городского населения по составу и крою начал утрачивать признаки принадлежности его владельцев к определенному сословию. Способствовали этому прежде всего изменения, происходившие в самом обществе: постепенное разрушение сословного строя, возникновение новых социальных связей между отдельными группами (между передовыми рабочими и трудовой интеллигенцией, между дворянством и буржуазной верхушкой), а также возросшее в условиях развивающегося капитализма производство разнообразных промышленных товаров, многие из которых были рассчитаны на широкий спрос, и все более усиливающееся влияние моды, распространившееся среди большинства горожан.

Но все это вовсе не означало, что одежда городских жителей стала однородной. В ней, как уже говорилось, еще оставались некоторые следы старинного сословного платья, прослеживались и отдельные особенности в манере одеваться, связанные с определенной сословно-профессиональной средой, чаще встречавшиеся у пожилых, и т. п.

Главная причина неоднородности городской одежды крылась в усиливавшемся классовом расслоении общества. На смену старым сословным различиям в одежде приходили новые, классовые. Эти различия сказывались не столько в самих формах костюма, сколько в качестве материалов и пошива одежды, в составе гардероба (в частности, в степени его дифференциации по сезонам и назначению), в характере следования моде, а также в дополнениях к костюму и т. д. Наиболее сильно различия проявлялись в костюме социально противоположных групп населения и особенно — в женском костюме.

В литературе уже неоднократно был описан костюм, широко бытовавший в рабочей среде в предреволюционные годы. У мужчин ситцевая или сатиновая рубаха-косоворотка (предпочтение отдавалось яркой расцветке) выпускалась поверх брюк и перехватывалась поясом; брюки заправлены в сапоги; на голове носили картуз или фуражку. Поверх рубахи надевали пиджак, а иногда и жилет. У молодых мужчин было принято летом в праздничное время носить пиджак поверх рубахи внакидку; пожилые же часто ходили в жилете без пиджака. Костюм, так называемая «тройка» (брюки, жилет, пиджак, сшитые из одной ткани), был распространен особенно как праздничный наряд молодежи. Именно такой костюм и стремились приобрести молодые люди из рабочей среды. На работу ходили в старой одежде. В холодное время поверх надевали ватное пальто, полушубок,

Одежда женщины из купеческой среды в конце XIX в. из г. Калуги

теплый пиджак.

Примерно также одевались и представители демократической интеллигенции, только они чаще носили вместо сапог штiblеты с брюками «навыпуск», а вместо картуза — шляпу.

Мелкие служащие и приказчики из купцов ходили в суконных брюках с напуском, в шевровых сапогах с лаковыми голенищами «под колено», в картузе с лаковым козырьком. Рубашки носили и косоворотки, и так называемые «фантазии» с крахмальной манишкой и манжетами. Но более состоятельные старались подражать костюму, который был принят в буржуазно-чиновничьей среде: носили тройку с брюками «на выпуск», штiblеты, котелок или соломенную шляпу, галстук. Часто костюм дополняла трость. Примерно такой же костюм встречался и у рабочей аристократии. Зимой носили пальто на меху или на вате и с меховым воротником, шапки «пирожком» из смушки. На руках — перчатки (купленные или связанные дома).

Женщины из рабочей среды носили платья: в будни — ситцевые, в праздники из более дорогих тканей. Платья обычно состояли из широкой юбки и блузки, сшитых из одной ткани (реже из разных тканей). Шили и цельные платья с пришивным лифом. Этот вид платья, более новый, особенно быстро прививался у молодых девушек и подростков. Фасоны были разные и со временем изменялись. Но некоторые из них отличались большой устойчивостью и бытовали в течение длительного времени. Например, в 1890—1900-е годы в женском костюме стойко держались длинная сборчатая или расклешенная юбка и плотно прилегающая к телу блузка с баской и «грибами» или «пузырями» на рукавах. Подобный костюм в то же время распространился и в деревне. На поденщину в город крестьянки ходили уже не в традиционных костюмах, а в ситцевых «басках» с юбкой, в полусапожках с «ушками». Платья носили яркие, а пожилые — более темных тонов. Голову покрывали платками, носили нитяные чулки с резинками, туфли, ботинки. Из украшений более всего были распространены дешевые серьги и бусы. Белье и мужчины и женщины носили из фабричной ткани, а иногда, особенно на тяжелой работе, — холщевое¹³³.

Основные формы описанного женского костюма были характерны для широких слоев городского населения, хотя в разных социальных группах он приобретал свои стилевые особенности. Это, как уже говорилось, происходило в результате определенных различий в материалах, в украшениях, за счет более или менее последовательного учета требований моды и т. д. Приведем несколько примеров.

Среди вещей жены коллежского асессора М. И. Смирновой из Калуги, отданных в заклад (1890 г.), имелись следующие предметы одежды, дающие представление о ее гардеробе в целом: ситцевое синее платье, платье шелковое и шерстяное, юбка шерстяная синяя, два шерстяных лифа, ситцевое цветочками платье с такой же кофтой, нитяные чулки, теплый байковый платок и др.¹³⁴ В описи движимого имущества мещанской девицы М. К. Акуловой (г. Калуга, 1892 г.) упоминаются: старое ситцевое платье, старая атласная кофта и старая зеленая атласная маленькая мантилья, пять юбок (три коленкоровые и две холщовые), две коленкоровые сорочки, четыре платка (ситцевый, два шелковых и шерстяной), ковровая шаль и ковровый шарф, шелковый зонтик, чулки шерстяные и нитяные, меховая шуба, крытая черным сукном, и др.¹³⁵

В 1900-е годы девушки из семей чиновников носили длинные юбки с блузками, жакеты, шубки, шляпки или меховые шапочки, муфты¹³⁶. Богатые женщины носили тальмы без рукавов, но большинство — жакеты в талию и белые шарфики. Шляпки с цветами («парижский шик») носили портнихи, учительницы, фельдшерицы, конторские служащие¹³⁷. По рассказам старожилов, перед первой мировой войной молодые женщины-франтихи из буржуазной среды по визитам разъезжали в бархатных платьях с «натяжными» лифами в талию. Шелковые и шерстяные платья для пышности гофрировали; под верхнюю юбку надевали нижнюю со сборками. Рукава узкие, собранные на плечах, иногда на три четверти из гипюра. Носили модные «митенки» (перчатки без пальцев) под цвет платья, стоячие воротники на костях («медичи»). Нижнее белье носили с кружевами. Зонтики и шляпы подбирали в соответствии с костюмом¹³⁸.

Одежда представителей буржуазно-дворянской верхушки городского общества (мужская и женская), имевших возможность пользоваться материалами лучшего качества и прибегавших к услугам опытейших мастеров (в том числе и столичных), характеризовалась наибольшим соответствием моде, разнообразием гардероба и быстрой его сменяемостью, а также наличием вещей, выполненных с хорошим вкусом и профессиональным мастерством. Состав одежды и характер ее отражал специфику образа жизни этих слоев населения, мало связанных с трудовой деятельностью. Не случайно одежда их подразделялась не просто на будничную и праздничную, как было у

большинства населения, а на отдельные комплексы специального назначения, например: утренний туалет, костюмы для приемов, визитов, балов, прогулок, охоты и т. п. Вместе с тем наблюдалась и большая дифференциация одежды по сезонам. У широких же слоев населения четко выделялась лишь теплая зимняя одежда (шубы), тогда как прочая верхняя одежда и комнатная по сезонам разграничивалась слабо.

Спортивная одежда в конце XIX — начале XX в. еще только зарождалась и встречалась в малоразвитых формах, почти исключительно в зажиточной городской среде. Для игры в крокет, катания на коньках, верховой езды, велосипедных прогулок, купания и т. д. приспособляли обычные костюмы, так, чтобы они по возможности соответствовали этим занятиям.

Обрядовая одежда в этот период в жизни горожан играла незначительную роль. В качестве свадебной одежды у мужчин наиболее распространенной была черная фракная, сюртучная или пиджачная пара или тройка, лаковые или другие штиблеты, крахмальная сорочка с галстуком, белые перчатки. Невеста надевала белое или другое светлое платье, обычно шелковое, белые туфли, фату с цветами, белые перчатки, украшения (серьги, браслеты, броши). Прическу делали высокую с гребнями. Подобная свадебная одежда с некоторыми вариациями по ее качеству бытовала очень широко. Даже малоимущие горожане старались приобрести все необходимое, чтобы во время церемонии не отличаться от «благородных». В семьях, где было много дочерей, венчальный наряд обычно передавали от одной сестры к другой, лишь несколько переделывая в соответствии с модой¹³⁹.

Спортивная одежда конца XIX—начала XX в.

В городах соблюдался также обычай носить траурную одежду, специфика которой заключалась в темном (предпочтительно-черном) цвете, в отсутствии украшений, в скромных фасонах, в обязательном для женщин покрытии головы.

У женщин старообрядок был принят так называемый костюм с сарафаном, рубашкой и платком. Хоронили старообрядцев в саване. Более стойко держалась у них и обрядовая одежда.

Приведенный здесь материал дает представление об основных направлениях развития одежды в условиях города второй половины XIX — начала XX в. В этот период городская одежда характеризуется большим единством форм, чем прежде. В ней еще продолжали существовать некоторые варианты, обусловленные пережитками сословного строя, спецификой быта отдельных профессиональных групп, и т. п.; имелись и различия, связанные с разнообразием социальных, возрастных и личных вкусов населения. Однако все это протекало на фоне развития единых комплексов мужской и женской одежды, представлявших собой своеобразный национальный вариант общеевропейского костюма. При этом степень включения национального элемента в одежду отдельных социально-профессиональных групп горожан была различной. Очерченные нами комплексы в предреволюционный период характеризовали одежду городского населения в целом. Развитие их происходило постепенно, в процессе классового расслоения общества, и потому одежда этого времени отражала классовое деление городского населения. Она и теперь продолжала выполнять функцию своеобразного социального признака. Не случайно в быту одежда часто служила тем первым внешним показателем, который свидетельствовал о социальной принадлежности ее носителя, и определяла отношение к нему со стороны окружающих. И хотя в условиях развивающегося капитализма в быту большей части городского населения уже не было строгой регламентации поведения представителей различных социальных групп, как это было в эпоху феодализма, многие особенности этого поведения продолжали сохраняться, и одним из ярких выразителей их было ношение определенной одежды.

Правда, различия в одежде горожан в изучаемый период большей частью не были резкими:

главные комплексы имели переходные смешанные варианты, а основу их составляли в целом одни и те же формы. Резкие контрасты наблюдались лишь в костюме социально противоположных групп городского населения. С одной стороны, выделялась одежда беднейших слоев горожан, вынужденных обходиться минимумом материальных благ, с другой — одежда дворянско-буржуазной верхушки со свойственным для ее жизни высоким уровнем обеспеченности.

¹¹⁷ АГО, оп. 1, р. XV, № 29, л. 46.

¹¹⁸ См.: АГО, оп. 1, р. XV, № 11, л. 2; № 28, л. 2; № 29, л. 47; № 48, л. 2; № 55, л. 4; р. XXVII, № 5, л. 10; р. XLII, № 10, л. 2; № 14, л. 3; № 15, л. 11.

¹¹⁹ АГО, оп. 1, р. XV, № 29, л. 48.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ АГО, оп. 1, р. XV, № 55, л. 5.

¹²² Там же, № 10, л. 6.

¹²³ Там же, № 28, л. 2.

¹²⁴ Там же, р. XLII, № 15, л. 16.

¹²⁵ АГО, р. XV, № 10, л. 6; № 29, л. 47; № 55, л. 5.

¹²⁶ АИЭ, ф. 1, д. 1106, л. 197.

¹²⁷ ГАКО, ф. 8, оп. 1, д. 65, лл. 5-6.

¹²⁸ Там же, ф. 783, оп. 1, д. 50, л. 24.

¹²⁹ Там же, ф. 185, д. 2, л. 4, 9.

¹³⁰ ГАКО, ф. 783, оп. 1, д. 32, л. 92.

¹³¹ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 563

¹³² АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 402; д. НОВ, лл. 351, 373-374.

¹³³ АИЭ, ф. 1, д. 110а, лл. 80, 81, 119, 340; д. 1106, лл. 198, 202, 273.

¹³⁴ ГАКО, ф. 783, оп. 1, д. 38, лл. 29-31.

¹³⁵ ГАКО, ф. 8, оп. 1, д. 54, л. 6.

¹³⁶ АИЭ, ф. 1, д. 110а, л. 340.

¹³⁷ Там же, л. 374.

¹³⁸ Там же, л. 272.

¹³⁹ АИЭ, ф. 1, д. 110а, лл. 405, 413, 441-442; д. 1106, л. 526.